

Докрутка

Данная статья посвящена британской юмористической теле-передаче. У этого термина существуют и другие значения, см. «Докрутка» (значения).

«Докрутка» — живое британское скетч-шоу, политическая сатира и варьете, созданное в 2004 году.

В передаче демонстрируются юмористические скетчи, зачастую пародирующие современную поп-культуру и политику. В сценках играет постоянная труппа актеров, а сценарии пишет команда штатных авторов. Раз в неделю выходит по одному эпизоду на канале «Чэннел 4», и в каждом принимает участие приглашенная знаменитость. Гость играет в скетчах наряду с актерами. Также в рамках шоу выступают известные музыканты. Формат шоу часто сравнивают с форматом американской программы «Субботним вечером в прямом эфире»¹.

¹ Saturday Night Live — одна из самых долгоживущих программ на американском телевидении (в эфире с 1975 года).

В настоящее время шоураннером программы является Нейт Притчард. В команду сценаристов входят Ноа Симпсон, Анна Делоитт, Керри Сафо, Ричард Хили и Талия Джоски-Джетхи. Шоу выпускает телевизионная компания «Даст ин санлайт», основанная бывшим генеральным продюсером британского филиала «Нетфликса» Ником Фрэнкомом.

За время в эфире «Докрутка» получила множество положительных отзывов и наград, включая шесть премий BAFTA и три премии Гильдии сценаристов Великобритании. В настоящее время шоу имеет самую большую аудиторию в Соединенном Королевстве.

1

Нэлл

Обновить.

Обновить.

«Обновить, — повторяю про себя, — обновить, обновить».

Я склонилась над барной стойкой и в который раз тапаю по иконке электронной почты на экране смартфона. Надеюсь, со стороны это хоть немного похоже на то, как если бы я нарезала лимоны или протирала стаканы — в общем, делала то, за что мне по идее платят.

В пабе почти пусто. Сегодня пятница, вечер; скоро повалят люди — выпить после работы, но прямо сейчас в зале только горстка посетителей: они сидят по разным углам, разложив перед собой газеты, и нянчат в руках пинты пива. Я бросаю взгляд на часы, что висят на стене за бильярдным столом, — без десяти шесть. На собеседовании обещали, что кандидата, прошедшего отбор, известят сегодня «в конце рабочего дня».

То есть в шесть вечера. А это значит... что я пролетела. Меня не возьмут.

Только сейчас даю этой мысли оформиться в голове. Она ошеломляет. Досада на миг становится такой острой и сильной, что аж дыхание перехватывает. Я ведь так хотела пройти. Мне это было действительно нужно. Однако я не прошла.

— Нэлл! Заказ на подходе!

Окрик босса вырывает меня из депрессивного ступора. Я делаю глубокий вдох. Иэна подводить нельзя. Себя я могу пожалеть и потом, после работы. Да, вот закончу смену — и сразу домой, залезу под одеяло и тогда уж предамся жалости к себе...

— Бегу! — Прячу телефон в карман и направляюсь на кухню.

Иэн через окошко передает мне две миски чипсов:

— Будь добра, отнеси это за столик двадцать восемь.

— Выполняю.

Иэн кривится:

— Ты должна отвечать: «Да, шеф».

Я невольно улыбаюсь:

— Снова «Медведя»¹ смотрел, Иэн?

— Может быть.

— Ты же в курсе, что мы — не супермодная чикагская бургеробродная? Так, закусочная у дороги.

¹ The Bear — американский телесериал, главный герой которого — бывший шеф-повар, спасающий ресторан покойного брата. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

Иэн поправляет фартук, напустив на себя суровость. Прямо нельзя не рассмеяться.

— Да, я в курсе, Нэлл, спасибо. Но ты хотя бы изредка балуй старичка-босса, говори ему «Да, шеф». Там, глядишь, и работа будет казаться немного гламурнее. Так что, если ты согласна со мной... Или возражаешь?

— Да, шеф.

— «Да, шеф» — возражаешь? Или «да, шеф» — согласна?

— Да, шеф, я буду говорить «да, шеф».

Я беру миски и со смехом выхожу в зал. Мне нравится Иэн, нравится работать в пабе. Если честно, то мне нравятся обе мои работы: я верчусь здесь, в «Утке и мяче», а еще в «Асда»¹, что в центре города. Надо скопить как можно больше денег — когда переберусь в Лондон, они мне пригодятся. Правда, в последнее время это «когда» уверенно превращается в «если».

Год назад — почти день в день — я окончила универ и с тех пор, кажется, топчусь на месте. Тухну в родном городишке близ Линкольна². Живу с мамой и младшим братом Уиллом и пытаюсь писать тексты, едва выдается свободное время. Только, когда вкалываешь на двух работах, свободного времени не то чтобы вагон.

В последние месяцы мама настойчиво предлагает попытать счастье в других проектах, где требуется сценаристы. «Милая,

¹ Asda — британская сеть супермаркетов, в ассортименте которой продукты питания, одежда и проч.

² Город примерно в 234 км от Лондона.

незачем складывать яйца в одну корзину» — только и слышу от нее в эти дни, но для меня «Докрутка» — самая корзинистая из корзин, так почему бы в нее все яйца и не сложить? Мама просто не понимает, Уилл тоже. Вот папа точно бы меня понял, но его с нами нет.

Больше никогда такого шанса, как стажировка в «Докрутке», не будет. Больше никак не попасть прямо в сценарную комнату лучшей комедийной программы страны. Уж я-то знаю: уйму времени потратила на поиски в интернете чего-то похожего.

Из-за выпускных экзаменов я не успела сдать в срок конкурсное задание, но пообещала себе (и папе, наверное, тоже), что в этом году выложусь на все сто. Кровь из носу, буду работать здесь, в Тилби, накоплю денег, чтобы продержаться месяц, пока идет неоплачиваемая стажировка в Лондоне, а потом — в идеале — сделаю эту стажировку полноценной работой. Да не какой-нибудь, а Работой Мечты. «Докрутка» — мое любимое скетч-шоу. Хотя нет, правильно будет сказать: это моя самая любимая телепрограмма в принципе. Правда, «мечта» здесь, похоже, ключевое слово, потому что она вряд ли исполнится.

Оставив чипсы на столике, возвращаюсь за стойку. Машинально достаю телефон из кармана и проверяю почту: пусто. А ведь уже без пяти шесть.

Мне-то казалось, что собеседование удалось: получилось рассмешить всех. То есть настоящих сценаристов любимой программы! А уж первоначальную заявку я шлифовала...

да, не одну неделю. В сопроводительном письме нужно было уложиться в семьсот слов, и я его переписывала и перепереписывала, наверное, тысячу раз. У меня отдельная папка черновых скетчей, сочиненных за три года в универе. Само собой, я ни один никому не показывала: духу не хватило. Но в этот раз стиснула зубы и выбрала два самых любимых. Правила их, причесывала и вылизывала, сделала максимально уморительными. Вот только, видно, никого не уморила.

Снова обновляю страничку почты — ничего. Пытаюсь успокоить себя мыслью о том, сколько заявок им, должно быть, пришло. «Докрутка» — одно из популярнейших шоу на ТВ, а стажера на практику туда берут лишь раз в год. Всего одного — зато потом он попадает в штат. Мой любимый сценарист, Талия Джоски-Джетхи, так и получила работу — через стажировку.

Я, как наивная дурочка, решила, что если пройти этап собеседования, то появится реальный шанс. Но кто знает, сколько еще было кандидатов? Десятки, если не сотни. Естественно, я не дотянула.

В кармане жужжит, и сердце уходит в пятки. Черт, всего лишь сообщение от Хлои.

Ну, че как?
Ответили???

Нет, пока все глухо 😞😞😞😞😞😞😞

Хлоя — моя лучшая подруга со времен универа. Она с другой моей лучшей подругой, Микой, свинтила в Лондон еще прошлым летом, сразу, как мы выпустились. Обе проходят карьерную адаптацию на фирме в Сити¹, но уже получают неприлично большие деньги. Недавно их соседка съехала, и в съемной квартире освободилась целая комната. С моим именем на двери! Без шуток, на двери стоит мое имя. Девчонки взяли и вывели на ней печатными буквами «НЭЛЛ», а потом еще фотку прислали с подписью: «Не отвертись, приедешь!» Люблю их безумно!

Мне правда казалось, что все складывается очень удачно: и друзья в Лондоне есть, и жилье. Осталось только пройти конкурс.

Я оглядываю зал, а перед глазами проплывают будущие дни, недели, месяцы... Полгода, год... Я по-прежнему дома, готовлюсь попробовать еще раз. Обзваниваю агентов и продюсеров, отправляю в пустоту скетчи и сопроводительные письма. Каждый четверг вечером сажусь в гостиную рядом с пустым папиным креслом и смотрю наше любимое шоу, воображая, как сама могла бы приложить руку к его созданию...

— Нэлл! Заказ на подходе!

Я спешу назад к окошку:

— Да, шеф.

¹ Деловой центр Лондона.

— На вот, держи. — Иэн с улыбкой протягивает мне тарелки. — Не так и трудно, да? Я уже чувствую себя немного гламурнее.

Только я ставлю еду на столик перед клиентами, как открываются двери и в паб гурьбой вваливаются офисные работники. Бегу за стойку. Вот и славно, можно отвлечься.

— Так, ладно, кто первый? — обращаюсь к толпе. — Чего изволите?

Гости выкрикивают заказы, а я, потянувшись за бутылками светлого пива, случайно задеваю экран телефона, который оставила на холодильнике. Дисплей загорается, а там, в углу иконки имейла, крохотная красная единичка.

Сердце замирает. На мгновение шум толпы как будто бы глохнет и в ушах только бум-бум-бум моего сердца. «Хоть бы, хоть бы, — мысленно молю я. — Ну пожалуйста...»

Тапаю по иконке, и на экране всплывает:

Дорогая Нэлл!

Поздравляю! Спешу сообщить, что вас отобрали
в программу месячной стажиро...

Не дочитав до конца, я принимаюсь визжать.

2

Чарли

— Придется нам с тобой расстаться, Чарли.

Сепиде, сидя за своим безупречно чистым столом, вздыхает и взглядом как бы говорит: «Мне от этого еще больнее, чем тебе». Что, конечно же, неправда, ведь если она серьезно, то мне будет ой как больно.

— Прости? — кашлянув, переспрашиваю я.

— Да не переживай, — бормочет она. — Хотя, вообще, если честно, стоило бы...хлопот теперь не оберешься. Придется искать человека тебе на замену. Но извинения приняты.

Я переминаюсь с ноги на ногу. Мне даже присесть не предложили — ясно, значит, выгонят по-быстрому. Типа, пластырь надо отрывать махом, чтобы не мучиться. Не ждал я такого, когда получил от Сепиде сообщение с просьбой зайти после смены.

— Я в другом смысле, — решаюсь уточнить я. — В чем дело-то?

Она что, прикалывается? Мне нельзя терять эту работу. Я целыми днями стою у входа в галерею искусств в Саут-Банке¹ и раздаю флаеры, заманиваю людей на выставку. Это самая непыльная работенка в моей жизни и отличная возможность знакомиться с девчонками.

Сепиде шумно выдыхает, раздув щеки:

— Чарли, ты правда не понимаешь, из-за чего сыр-бор?

— Нет! — честно вскрикиваю я.

Тогда она поджигает губы и берется за телефон. Поковырявшись в нем пару секунд, передает мне.

— Узнаешь?

Стоит увидеть фото на экране, и сердце уходит в пятки.

— Д-да...

— Ну, кто это?

Я возвращаю ей телефон.

— Я час назад попытался вручить ему флаер. Но ты, это, смотри...

— А что ты говорил? — обрывает меня Сепиде. — Когда совал ему в руки флаер?

— То же, что и всем остальным! «Здрасте, сэр, не желаете ли посетить галерею искусств Баркли? Если предъявите этот флаер на входе, получите скидку на билет десять процентов!»

¹ Район Лондона на южном берегу р. Темза.

— А он тебе что? — прищурившись, интересуется Сепиде.

— Уставился так, будто я не флаер ему сую, а дохлую крысу. Сказал, типа, скидка ему «определенно не пригодится».

Она кивает:

— А дальше?

Я запускаю пальцы в волосы. Знаю, к чему она клонит. Я в том типе с первого взгляда распознал неадекват: он напомнил мне мистера Бёрнса¹ из «Симпсонов», более вредную его версию. Моя глупая шутка точно ему не зашла, но я бы никогда и ни за что не подумал, что он доберется до моего непосредственного начальника и обо всем наустучит. Да кому это надо?!

Сепиде смотрит на меня по-кошачьи, неотрывно, и я решаю выложить правду. Ясно же, что она и так все знает, поэтому лучше признать свою ошибку и извиниться.

— Сепиде, послушай, мне очень жаль. Я же просто шутил! — говорю. — Откуда мне было знать, что этот тип сюда заявится. Видела бы ты, как он смотрел на меня — будто на мусор. Ему все до свечки было. Он двинул дальше, и я бросил вслед что-то вроде: «Ладно, не парьтесь, денек слишком славный, чтобы тратить его на выставки». Как-то так.

Сепиде ошетиливается:

¹ Главный антагонист мультсериала «Симпсоны», владелец Спрингфилдской АЭС. Сказочно богатый и при этом скарредный старикашка, продлевает себе жизнь за счет злых дел, тогда как добрые, напротив, сокращают его пребывание на земле.

— А мне кажется, что дословно ты произнес следующее: «Ты не многое пропускаешь, приятель: там все равно только куча старого хлама».

Господи... Он еще и процитировал меня слово в слово.

Лицо у Сепиде — каменная маска, и я решаю пустить в ход обаяние. Взъерошиваю волосы, изображаю наглую улыбку и сую руки в брюки — ни дать ни взять нашкодивший школяр. Это мой проверенный способ выкрутиться из любой передряги, который не подводил с самой школы.

— Э-э, Сепиде, прости, пожалуйста, — говорю, для верности снова взъерошивая волосы. — Умоляю... я эту работу очень люблю. И хорошо ее делаю! Сама же знаешь. Нельзя меня выгонять за паршивую шутку в адрес какого-то случайного чела.

— «Случайного чела», говоришь? — медленно повторяет Сепиде, ущипнув себя за переносицу. Потом снимает очки в черной оправе и, протерев стекла о рукав джемпера, надевает обратно. — Чарли, знаешь, в честь кого галерея Баркли так названа?

Вопрос с подвохом?

— В честь владельца, сэра Майкла Баркли, — пожав плечами, говорю я.

— Верно. Сэр Майкл Баркли, миллиардера, предпринимателя и медиамагната. А ты знаешь, как он выглядит, Чарли?

— Нет. — Я, вот честно, не понимаю, к чему она ведет.

Сепиде снова показывает мне экран телефона — а там по-прежнему фото ухудшенной версии мистера Бёрнса.

— Вот как выглядит сэр Майкл Баркли. Потому что это и есть сэр Майкл Баркли.

Ох ты ж...

— Черт, — морщусь я. — Вот... я попал.

— Говоря коротко, да, — соглашается Сепиде. — Ты лично сообщил тому, кто платит тебе зарплату, что он вбухал миллионы фунтов в, — она пальцами показывает кавычки, — «кучу старого хлама».

Меня начинает разбирать хохот, но я маскирую его под кашель.

Сепиде, однако, не улыбается. Тревожный звоночек, ведь Сепиде из тех, кого называют «клевым босс», она всего на пару лет старше меня. Однажды мне удалось подслушать, как она в разговоре с менеджером сувенирной лавки глумится над одной претенциозной работой.

Надо бы выкрутить обаяние на одиннадцать по десятибалльной шкале.

— Я же не совсем идиот, — говорю, вскинув руки. — Просто хотел пошутить, и это мне аукнулось. Больше не повторится, клянусь тебе.

— Мне жаль, Чарли, правда, — тихо произносит Сепиде, а значит, мне крышка. — Ты хорошо работал, — добавляет она, — и за последние месяцы заманил в наши залы бог знает сколько народу. Но с этим сэр Майкл Баркли пришел ко мне лично, так что ничего поделать не могу.

Я просто моргаю и молча киваю.

Охренеть, и что мне теперь делать?

3

Нэлл

— Господи боже, я так нервничаю. Никогда еще так не волновалась, даже близко. Как думаете, они поймут? Сильно заметно?

Мы с Хлоей и Микой завтракаем на кухне их, то есть нашей, квартиры, и обе подруги наблюдают за мной с умилением.

— Честно? — говорит Хлоя. — Тебя потряхивает, да.

— Ну, у них в офисе она ведь не будет грызть ноготь на большом пальце и метаться из угла в угол, — замечает Мика. — Не будешь же, да, Нэлл?

Я останавливаюсь как вкопанная, сообразив, что именно этим сейчас и занята. Подруги смеются.

— Брось, Нэлл! — говорит Мика, подсыпая себе хлопьев в тарелку. — Нервничать не запрещено так-то. Это же офигеть какое большое дело.

— Вот! Повод отпраздновать, — соглашается Хлоя и утягивает меня за стол, чтобы сделать совместное фото. — Ну-ка, все разом: «Работа мечты-ы!»

— Стажировка мечты, — поправляю я.

— Стажировка, которая приведет к работе мечты, — уточняет она.

— Стажировка, которая может привести к работе мечты, поэтому, чтобы не сглазить, давай не будем говорить так уверенно.

— Хорошо тянуть, девушки, — обрывает Мика. — Может, просто скажем: «Сыр»?

— Сы-ыр! — кричим мы, и Хлоя делает снимок.

Прошлая неделя пронеслась ураганом. От письма у меня в голове слегка помутилось: я даже толком не помню, что вытворяла, но в какой-то момент чуть не задушила в объятиях Иэна. Вид у него потом, конечно, был сильно смущенный.

Несколько дней после этого промелькнули как в тумане. На обеих своих работах я отпахала кучу смен напоследок: было совестно, что взяла вот так и внезапно уволилась. А потом, в воскресенье — вчера то есть, — мама повезла меня с Уиллом в Лондон на стареньком убитом «вольво». Багажник она под завязку набила чемоданами и заодно пакетами с фруктами, мясом и овощами. Я пыталась объяснить, что и в Лондоне вообще-то тоже можно купить продукты, но меня и слушать не стали.

Прощаться оказалось неожиданно трудно. Семья у нас и так была крепкая, но после смерти папы — это случилось лет шесть назад — мы еще сильнее сплотились. Словно сдвинулись потеснее, закрывая прореху в рядах. Потом еще несколько месяцев после папиного ухода случались дни, когда мне казалось, будто, кроме мамы и Уилла, больше никому не понять, каково мне. Само собой, я была неправа: онкология испортила жизнь не только моей семье, просто такое было чувство.

Когда я уезжала в универ, это не стало особенным событием. Я ведь уехала в Ноттингем, это всего двадцать минут на электричке, да и раз в две недели виделась с родными. Зато Лондон — дело совершенно другое. Стажировка продлится месяц, но если я — тьфу-тьфу-тьфу — получу работу, то задержусь надолго. И кто знает, когда снова увижу маму и брата.

Вот я и обняла Уилла покрепче напоследок, когда он уже садился в машину. Ему пятнадцать, и в школе дела не очень: поганые задиры не дают прохода, хотя в последнее время все вроде налаживается. Лишь бы они еще что-нибудь не вытворили.

Мама же взяла меня за плечи.

— Знаешь, милая, папа сейчас был бы... — Голос у нее надломился, но я поняла, что она хотела сказать. Это ведь папа пристрастил меня к «Докрутке», и, когда я наконец нырнула в мамины объятия, от тоски больно защемило в груди.

В те мгновения она смотрела на меня примерно так же, как смотрят на меня сейчас подруги: с гордостью, радостью и... осознанием, что вот оно, свершилось.

Правду сказать, я и сама испытываю то же самое. Просто не могу поверить, что это происходит в реальности.

Я притягиваю девчонок поближе, и Хлоя делает еще снимок.

— Спасибо, — шепчу я.

— Наслаждайся, подруга, — говорит Мика, стиснув мне плечо. — Дело офигеть какое большое.

Хлоя с улыбкой кивает:

— Офигеть какое большое.

Я приезжаю почти на полчаса раньше. Во-первых, потому что боялась потеряться в метро (удивительно, но этого не случилось), а во-вторых, потому что не спала почти всю ночь и мне нужно было выпить кофе перед тем, как заходить внутрь. Ну и да, еще потому, что мне хочется насладиться моментом. Звучит глупо, но я хочу постоять немного перед дверями офиса и прочувствовать важность происходящего.

С виду офис непримечателен: большая серая постройка на окраине Лаймхауса¹, но, попивая двойной латте, я смотрю на него словно на портал в иной мир. Впрочем, так оно в некотором смысле и есть. Для меня — точно. Вспоминаю часы,

¹ Район на востоке Лондона, некогда известный своими опиумными притонами.

проведенные перед теликом, когда во все глаза смотрела скетчи, впитывала юмор, вчитывалась после эфира в титры, искала имена сценаристов... И вот я здесь. Готовая войти в эти двойные стеклянные двери, в большое серое здание и стать маленькой, крошечной, микроскопической частью процесса.

Допиваю кофе, делаю глубокий вдох и захожу.

Изнутри вайб шоу-бизнеса чувствуется куда острее, чем при взгляде на скучный фасад. На стене за стойкой ресепшена — огромные постеры с кадрами программ, которые здесь придумывают и снимают. Больше всех выделяется инсталляция «Докрутки»: на ней глянцевые снимки нынешнего каста и авторов плюс подписанные фото приглашенных ведущих, музыкальных групп и исполнителей, когда-либо приходивших на эфир. Я представляюсь, и меня просят подождать: скоро за мной спустятся.

Сижу на скрипучем синем диванчике и выполняю показанное Хлоей дыхательное упражнение — чтобы справиться со страхом. Заодно давя в себе синдром самозванца. Наконец раздается цокот каблучков; оглядываюсь и вижу, как ко мне по лестнице спускается высокая женщина: у нее идеально заплетенная длинная коса и яркая улыбка. Это Биши, я общалась с ней на собеседовании по зуму. Она продюсер «Докрутки».

— Нэлл! — протягивает она руку. — Рада познакомиться!

— Биши! Здравствуйте! И я тоже! — Я встаю и отвечаю рукопожатием.

— Еще раз с победой! Здорово, что теперь ты с нами.

— Спасибо! Я очень рада оказаться здесь. — Улыбаюсь от уха до уха. Начало вроде неплохое.

— Отлично, давай поднимемся наверх, и там мы тебя устроим...

Следую за Биши по пятам и пытаюсь погасить панику из-за того, что одета я слишком, до неприличия, просто. На Биши не только туфли на шпильках, но еще и темно-синий брючный костюм и кипенно-белая рубашка. Выглядит продюсер шоу потрясающе. А на мне что? Джинсы, кроссы и черная футболка «Юникло». Не хотелось привлекать к себе лишнее внимание в первый же день, да и потом, синоптики обещали сегодня жару: париться в пиджаке — та еще радость. Даже Хлоя за завтраком сделала мне выговор, мол, надо бы что-то построже надеть, а я только посмеялась, дескать, юмористы и деловая форма одежды — несочетаемые вещи. Выходит, ошиблась. Может, футболку в джинсы заправить? Нет, лучше не надо.

Пока мы поднимаемся на второй этаж, Биши вкратце расписывает мне рабочую неделю. Я киваю, но чисто из вежливости, ведь и без того знаю все этапы работы. За прошедшие годы я прочитала дофигаллиард интервью со сценаристами.

— Значит, в понедельник все начинается, — говорит Биши, когда мы сворачиваем за угол в помещение открытой планировки; тут и там снуют занятые люди, одетые не менее стильно. — Думаю, ты и так уже в курсе, что в четверг вечером мы

снимаем новый эпизод — вживую, в подвальной студии, в половине восьмого. А потом, в одиннадцать, выпускаем его в эфир. Поэтому в пятницу день у всех довольно ненапряженный. В выходные авторы на дому готовят новые идеи для предстоящей недели, чтобы в понедельник — то есть сегодня — снова устроить питчинг и сесть за сценарии.

Еще поворот за угол. Биши на своих двенадцатисантиметровых шпильках идет впечатляюще быстро. Я за ней едва поспеваю.

— На питчинг по средам приходят приглашенные ведущие, — продолжает она. — К этому времени мы стараемся подготовить основную массу скетчей, разумеется, оставляя место для более злободневных идей, которые могут появиться утром в четверг.

— Ясно, — говорю я.

Биши кивает в сторону офиса, через который мы только что прошли:

— Там у нас отдел маркетинга и продаж. Продакшн, пост-продакшн, айти — все это в следующем офисе. Ну а здесь — уголок сценаристов.

Это и впрямь похоже на уголок. Отдел маркетинга сверкал стеклом и хромом, там всюду стояли блестящие маки последней модели, а здесь тесно, как в гостиной у моей мамы. В уголке ютится кухонька, рядом с ней — крошечная переговорка, в центре стоят ветхие столы, за ними стулья; старенькие ноутбуки обклеены выцветшими стикерами. И буквально все тут завалено игрушками и обертками от шоколадок.

— Твое место, — говорит Биши, указав на самый чистый стол. — Прости за бардак. — Она морщится и убирает с соседнего стола смятую баночку из-под колы. — Ох уж эти авторы... — Бросив баночку в мусорную корзину, она смотрит мне за спину. — Легка на помине... Доброе утро, Талия.

— Доброе, Биш.

Я оборачиваюсь, и у меня замирает сердце. Миллион раз видела Талию Джоски-Джетхи на экране, годами слушала подкасты с ее участием, смотрела интервью и экспертные дискуссии на ютубе, но видеть ее вживую — это так странно. Темные кудрявые волосы она собрала в пучок и — фух, слава богу! — надела джинсы, футболку и кроссы. Я еще никогда не стояла так близко к своему кумиру, поэтому испытываю нечто, что хладнокровием при всем желании не назвать. Но сама себе говорю: «Спокойно, Нэлл! Ради всего святого. Возьми. Себя. В руки».

— Талия, это Нэлл. Нэлл — Талия, — знакомит нас Биши. — Нэлл — наша новая стажерка.

Талия широко улыбается и протягивает мне руку:

— Знаю. Читала твою конкурсную работу. И болела за тебя, когда составляли шорт-лист кандидатов. Твой скетч про парикмахера — это, черт возьми, шедевр!

Я прямо таю. Ну все, плакало мое самообладание.

— Ой боже, спасибо! — Меня чуть не разрывает от гордости. — Я вдохновлялась вашим скетчем про психиатра из прошлого сезона! Там фишка была со сменой ролей. Ну, типа когда пациент и доктор поменялись местами. Вы,

главное, не подумайте, я не слизывала! Это просто... как там его... оммаж! Не плагиат.

Талия с Биши слушают и улыбаются. Наконец мой словесный фонтан признаний иссякает, и я краснею.

Наклонив голову, Биши говорит:

— Оставлю вас наедине, чтобы вы могли поближе познакомиться. Вернусь через секунду, Нэлл.

Я с трудом сглатываю, проводив ее взглядом.

— Простите, — говорю Талии. — Я слегка нервничаю.

Она только отмахивается:

— Да ладно. Я в свой первый день чуть не обделалась. Но народ тут прикольный. Я, кстати, и сама попала сюда через стажировку. — Она улыбается. — Хотя ты, наверное, и так об этом знаешь.

— Типа того, да, — со смехом говорю я. — Не пугайтесь, но я ваша большая фанатка.

Талия прижимает руку к груди, делая вид, что польщена. А может, ей и правда приятно.

— Если так, то это круто, ведь тогда ты — мой самый первый фанат. Предки и те не в восторге от того, чем я занимаюсь.

— Правда?

Она пожимает плечами.

— Для них сценарист — это не стабильная работа. Они ждали, что я пойду по их стопам, займусь чем-нибудь вычислительным. — Она прячет сумку под стол и включает компьютер. — Запарилась объяснять, что мы и сами тут своего рода программисты.

— В каком смысле? — искренне завороженная, спрашиваю я.

— Смотри, — говорит она. — Все дело в устранении багов. Есть скетч, который не работает. Ты его разбираешь, смотришь, что именно не так, чинишь и собираешь обратно. Шутки — те же формулы. Либо верны, либо нет. Если нет, ты их перебираешь и допиливаешь, пока не заработают. Кстати, не хочешь кофейку? Я бы не отказалась.

— Э-э... нет, спасибо, я уже выпила.

Талия идет на кухню, а у меня голова кружится. Чувство, будто... у меня получилось. Я там, где мне и положено быть.

Я уже с двенадцати лет понимала, что расту комедийным задротом. В седьмом и восьмом классах мы с подружками ночевали друг у друга. Все смотрели «Коня Боджека»¹ и «Бруклин 9–9»², хохотали над ними тоже вместе, но потом, когда очередная серия завершалась, то обсудить ее хотелось только мне. Разобрать на части, вспомнить и процитировать лучшие реплики, определить, в чем же механика: отчего ты чуть не писаешься со смеха, в чем магия скетчей. Девчонки, дождавшись, когда я замолкну, принимались говорить о мальчиках, на которых запали.

¹ BoJack Horseman — американский трагикомичный мультсериал об антропоморфном коне, бывшей звезде шоу-бизнеса.

² Brooklyn Nine-Nine — американский комедийный сериал о безалаберном детективе Джейке Перальте, его непутевых коллегах и их серьезном начальнике.

С тех пор ничего не изменилось. Хлоя и Мика тоже смотрят «Шиттс-Крик»¹, «Девчонок из Дерри»² и даже «Докрутку», но не помешаны на них, как я. Подруг я люблю, однако мне всегда хотелось отыскать и других задротов, тех, с кем можно от души потрындеть. И вот, похоже, я их нашла.

Талия наконец возвращается, у нее в руках щербатая кружка с логотипом «Докрутки». А я невольно вспоминаю про папу. Это ведь он пристрастил меня к юмору, и признание Талии, мол, предки не понимают ее увлечений, только сильнее убеждает меня в том, как гордился бы он мной сегодня. Именно папа показал мне путь, который в итоге привел сюда.

Талия улыбается и садится в кресло.

— Здорово, что ты теперь в команде, Нэлл, — говорит она.

Остальная часть утра — сплошное разочарование.

Хотя... разве могло быть иначе? Подтягиваются остальные пятеро сценаристов — Рич, Ноа, Керри, Анна и Нейт, — и меня представляют им по очереди. Бегло кивнув, они сразу утыкаются в компы. Кроме Нейта — он тут главный. Он тоже был на конференции в зуме вместе с Биши, с ним я тоже видела уйму интервью. В мире комедий он чисто легенда: до того как

¹ Schitt's Creek — канадский комедийный сериал о разорившейся семье богачей, привыкающих к новой жизни в небольшом городке, который некогда сами же купили из прихоти.

² Derry Girls — британский комедийный телесериал о приключениях четырех старшекласниц-подруг из Северной Ирландии на фоне британской оккупации.

попасть в «Докрутку», писал для кучи всяких радиошоу и сит-комов. На конференции он казался мне очень серьезным, однако сейчас совсем не пугает. Ростом он ниже, чем я себе представляла, и по-мальчишески фонтанирует энергией: жмет мне руку, одновременно схватив за плечо, и заверяет, что заполучить меня в команду «это офигительно!».

Зато потом и он, и Талия втыкают наушники и принимаются за работу. Глядя, как сосредоточенно авторы тарашатся в мониторы и увлеченно что-то печатают, я чувствую себя лишней деталью. Чересчур волнуюсь, даже спросить боюсь: может, кому чай или кофе?

К счастью, спустя пару минут в уголок сценаристов возвращается Биши.

— Сегодня после обеда питчинг, — говорит она; из-за стука клавиш ее еле слышно. — Это они сейчас готовятся к нему. Ты, естественно, будешь просто наблюдать. Ну а пока у меня есть кое-какие задачки, с которыми ты могла бы помочь...

— Да, конечно!

Оказалось, меня ждет обыкновенная стажерская рутина. Следом за Биши я перехожу в другую часть офиса и там заполняю кое-какие формы, чтобы в конце недели мне возместили издержки. После этого делаю ксерокопии и сканы, которых хватило бы наполнить шесть грузовиков, разношу чай и кофе и разбираю заявки на билеты на съемку в четверг. Все такое приземленное, и в какой-то момент у меня даже проходит тревога, сердце перестает колотиться... До тех пор, пока Биши не сообщает, что вот-вот начнется питчинг.

Вместе с другими я прохожу в тесную переговорку внутри уголка сценаристов. И чего я так нервничаю? В первый день от меня ничего не ждут, выступать не придется. Видимо, дело в том, что я всю свою сознательную жизнь читала про сценарные комнаты и сейчас сама сижу в одной из них. В голове не укладывается.

На стенах расклеены десятки разноцветных стикеров с заметками. Прищурившись, я пытаюсь прочесть, что написано: скетчи, монологи, интервью — пометки к номерам, из которых состоит шоу.

Все садятся, сжимая в руках блокноты и листы бумаги — видимо, с предложениями для нового эпизода. Авторы переговариваются и шутят, но за всем этим ощущается колющая нервозность. Талия сидит напротив меня и ободряюще улыбается. Я чуть не плачу от благодарности. За спиной у Талии, среди листочков с заметками, висит черно-белое фото певицы Лины; заметив, как я таращусь на снимок, она многозначительно поднимает брови:

— На этой неделе она у нас приглашенный ведущий.

Тут и мои брови лезут на лоб. Лина, по словам Мики, — «просто бомба». Она мегаталантливая девчонка девятнадцати лет, которая где-то с год назад взорвала тикток и стала одной из ярчайших поп-звезд в стране. Выступала на разогреве в туре Билли Айлиш¹ и, по слухам, встречается с одним

¹ Американская певица и автор песен, среди которых — «No Time to Die» («Не время умирать»), написанная для последнего на сегодня одноименного фильма о Джеймсе Бонде.

знаменитым рэпером. Она реально крутая. И вот прямо на этой неделе она придет сюда, в этот офис.

Последним в переговорку входит Нейт. Закрывает за собой дверь и, жонглируя маркером, встает у доски.

— Так, ладно-ладно-ладно, — произносит он, и шум в комнате постепенно стихает; все смотрят на него. — В общем, прежде чем начнем, есть вопрос: с прошлой недели ничего не осталось?

— Мой скетч про ученых, — говорит Рич; он высокий и плотный, а лицо его прячется в вихре черных кудрей и густой бороде.

— Напомни, про что там? — просит Нейт, расхаживая перед доской.

— Пресс-конференция, — отвечает Рич. — На ней группа ученых-эгоистов объявляет, что они выявили элемент индивидуальности в команде.

Некоторые — включая меня — прыскают со смеху, а вот Нейт всем своим видом показывает, что его не впечатлило.

— Это... пошло бы как заголовок фейковой новости. Типа «Ученые-эгоисты выявили в команде элемент индивидуальности». Но сработает ли в скетче?

— Мне кажется, да, — говорит Талия. — Ученые объявляют об открытии и дерутся за первенство.

Звучит еще больше смешков.

— «Я, это я открыл его!», «Нет, это был я!» — Ноа борется с воображаемым коллегой-ученым, и все снова смеются. Ноа

в команде — единственный, кто еще и играет на сцене. При этом работу в «Докрутке» он умудряется совмещать с успешной карьерой комика. Стендапы у него что надо: в основном эпатажные истории о своих кринжовых свиданиях через приложение для знакомств.

— Думаю, такой скетч зайдет, — говорит Анна, миниатюрная блондинка в очках с тонкой оправой. — Он прикольный.

Нейт снова корчит недовольную мину:

— Эта хохма... скорее камерная.

Что бы это значило? Похоже, недоумение написано у меня на лице, потому что Талия с улыбкой объясняет:

— Так мы называем материал, который кажется смешным здесь, но не сработает для зала. «Камерный» значит «только для нас».

— Рич — король камерных скетчей, — усмехается Нейт. — Он способен только нас всех рассмешить, и больше никого.

— Только за это его и держим, — улыбается Ноа.

Рич притворно дуется, а потом бросает пустую бутылку из-под воды. Как в дешевой комедии, она со звонким «пуньк!» ударяет Ноа в лоб, и все — включая самого Ноа — валятся со смеху.

— Как вам такая камерная хохма? — перекикивая коллегу, спрашивает Рич.

— Это просто камерная РЖАКА, — вопит в ответ Нейт. — Пиши лучше про бутылки с водой.

— Да, в топку ученых, — хихикает Талия. — Пусть лучше Лина просто швыряет пустые бутылочки в голову Ноа.

Все громко хохочут и сыплют остротами. Камерная хохма. Вроде бы подколка, но для меня рассмешить шестерых человек, собравшихся в этих стенах, было бы пределом мечтаний.